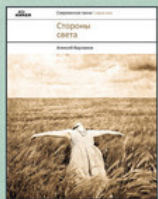

Алексей Варламов

Гора

*Часть сборника
Стороны света (сборник)*

Алексей Николаевич Варламов

Гора

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4925805

Стороны света. Повести и рассказы: Никуя; М.; 2011

ISBN 978-5-91761-089-4

Аннотация

«Вечер был покойный и чистый. Солнце медленно уходило за Северо-Байкальский хребет, освещая неподвижную студеную воду, но едва оно полностью скрылось, задуло два ветра. Низовой со стороны моря погнал на берег тяжелую пенистую волну, а верховой принес с запада облака. Они повисли над горами и к утру стали сползать вниз, укрывая густой массой камни, тайгу и степь. Когда рано утром Катя вышла из дому, почти ничего не было видно вокруг: только слышно в вязкой тишине, как катились, затихая, на берег волны и где-то далеко в море гудело судно...»

Содержание

1	4
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Николаевич Варламов Гора

1

Вечер был покойный и чистый. Солнце медленно уходило за Северо-Байкальский хребет, освещая неподвижную студеную воду, но едва оно полностью скрылось, задуло два ветра. Низовой со стороны моря погнал на берег тяжелую пенящуюся волну, а верховой принес с запада облака. Они повисли над горами и к утру стали сползать вниз, укрывая густой массой камни, тайгу и степь. Когда рано утром Катя вышла из дому, почти ничего не было видно вокруг: только слышно в вязкой тишине, как катились, затихая, на берег волны и где-то далеко в море гудело судно.

Давно уже встало солнце, а зябкий туман по-прежнему висел над землей. Девушка шла по сырой траве, и чем дальше она уходила от моря, тем становилось теплее. Тропа поднималась в гору, и вместе с нею поднимались в нагревающемся воздухе облака, цепляясь за ветки кедрового стланика и прилипая к скалам. Обернувшись, Катя увидела под собой громаду воды, мачту метеостанции и заросшую дикими цве-

тами и ковылем даурскую степь. Выше на склонах хребта начиналась тайга, здесь шумели в ущельях водопады и текли реки. Но до моря они не доходили, исчезая в расщелинах, а дальше тянулись сухие каменистые русла, наполнявшиеся только весной. Летом вода текла под землей и скапливалась в маленьком круглом озере. Это было глухое, окруженное со всех сторон тайгой место, с отражавшимися в дремотной воде деревьями и мелькавшими в глубине тенями непуганых рыб.

Вода в озерце хорошо прогревалась, и Катя любила приходить сюда и купаться. Она подолгу плескалась в прозрачной воде, а потом, раскинувшись, лежала на берегу безо всякой одежды, загорала, дремала и томилась воспоминаниями и надеждами. В ее нежном возрасте воспоминаний было меньше, а грез больше. И Бог знает, о чем она только не передумывала в эти неподвижные часы, кем себя не воображала и какого принца не ждала в девичьих мечтах. Только откуда было взяться ему в этой глуши? Не было вокруг никого, кроме нескольких людей на метеостанции, где она работала уже второй месяц, а казалось, год, и день изо дня выполняла однообразную и скучную работу. И сколько так будет еще?

Ей вдруг стало себя жалко и захотелось плакать, просто так, ни из-за чего, и она дала волю слезам. Но слезы прошли быстро, как легкий грибной дождик, и принесли облегчение и восторг, оттого что она еще молода, все у нее впереди и жизнь будет обязательно прекрасной, таинственной, чуточку

опасной, но счастливой.

Катя встала во весь рост, подошла к кромке воды, потянулась и засмеялась: на нее смотрела стройная обнаженная девушка с длинными волосами, прикрывавшими маленькие круглые груди, и крепкими бедрами. На эту девушку опасно косилась, но не двигалась древняя как мир шука, и равнодушно летали вокруг стрекозы и бабочки. Но вдруг ей почудилось, что из тайги кто-то на нее смотрит. Катя обернулась и увидела совсем рядом пронзительные темно-зеленые глаза. Это было так неожиданно, что она даже не сдвинулась с места. В следующее мгновение глаза исчезли и по траве пробежал шорох. Катя схватила в руки одежду и, не чуя ног, бросилась по тропе. Она боялась обернуться, однако никто ее не преследовал. Лес кончился, и впереди показался берег моря. Катя торопливо оделась и пошла спокойнее через степь, распугивая маленьких серых птиц, гнездившихся под ногами.

Когда она подошла к дому, начальник метеостанции Буранов удивленно посмотрел на нее.

– Что это с тобой?

– Там... – Она махнула рукой в сторону тайги.

– Бурхана встретила?

– Кто это?

– Это бог такой у бурятов. Не любит он, когда девушки в тайгу одни ходят.

Он смотрел на нее в упор насмешливыми глазами, и Кате

было непонятно, что эти глаза выражают.

– Поедем со мной в Солонцовую.

– Нет, – качнула головой девушка. Она побаивалась начальника и предпочитала держаться от него подальше.

– Ну как знаешь, – сказал он сухо и скрылся в красивом большом доме с черепичной крышей и резным крыльцом.

В это пустынное место на безлюдном западном берегу Байкала с мрачноватым названием «мыс Покойники» Катя напросилась сама. Она выросла в унылой хакасской степи и мечтала о Байкале с детства, но когда первый раз увидела его, море – никто не называл его здесь озером – показалось ей печальным и диким, совсем не таким, как она представляла раньше.

Больше суток небольшой катер геологов «Чароит» плыл вдоль самого берега, спасаясь от тяжелой волны, и все время слева тянулись горы, то круто обрывающиеся в воду, то отступающие и образующие маленькие бухты. Изредка попадались поселки, но потом они пропали и остались одни только скалы, камни, тайга и редкие черные птицы. Ночь Катя спала плохо, а рано утром когда вышла на палубу, то увидела, что море сузилось. С обеих сторон высились скалы и изрезанные берега, а за кормой хищно кружили невесть откуда взявшиеся жирные драчливые чайки.

Прошли большой поселок на большом безлесом острове, и снова море раздвинулось, правый берег исчез вдаль, и скоро стало неясно, что виднеется на горизонте, его очерта-

ния или низкие сизые облака. Иногда «Чароит» сворачивал в бухточки, на берегу которых стояли одинокие темные дома, тыкался прямо носом в гальку, не заглушая мотора, и кто-то из Катиных попутчиков сходил, кого-то забирали с той же будничностью, с какой в городах развозит людей по домам автобус. Плыли дальше на север, все выше и угрюмее громоздились горы. В воде встречались льдины, плавание начало уже утомлять, и казалась пугающей эта глушь, как вдруг Катя увидела на берегу крохотную избушку. Домик стоял под склоном горы так изящно и прелестно, будто не человек догадался его здесь построить, а он сам собой вырос. И когда через час катер приплыл в Покойники, где горы отходили далеко от воды и на голом берегу торчал обнесенный плетнем барак, а за ним виднелся особняк, такой красивый, что его красота казалась даже неестественной, она почему-то все время вспоминала ту избушку. Словно та ей что-то обещала. Но сколько она ни спрашивала, никто ей ничего о чудесном домике не говорил.

Кроме начальника, на метеостанции жили еще два человека: невысокий пухлый мужичок неопределенного возраста по фамилии Курлов и его жилистая хозяйственная теща. Курлова Катя невзлюбила с самого первого дня. Он смотрел на нее ухмыляясь, лез с бестолковыми замечаниями и пытался учить жизни. А однажды, когда она пошла в баню, ввалился следом и стал приближаться, вода перед собой руками, будто щупая жаркий влажный воздух.

– Уйди! – крикнула она, отворачиваясь.

– Катенька, – часто дыша, зашептал Курлов, – мехов на-
дарю, соболей, песцов, шубу себе сошьешь.

Она заметалась по бане, как залетевшая в окно птица, и заби-
лась в дальний угол у бочки с горячей водой.

– Красавица, – бормотал он, – не пожалеешь.

Катя тоскливо заозиралась, а потом схватила ковш и за-
черпнула кипяток.

– Ты что? Ты что делаешь!

Он мигом прекратил щупать воздух, сорвал с головы шля-
пу и прикрыл ею возмущившуюся плоть.

– У! – крикнула она, смекнув проснувшимся бабьим
умом, что есть вещи, из-за которых ни один мужик риско-
вать не станет. Но Кур лов уже отбежал от двери, и она вы-
скочила из бани в чем мать родила, по дороге чуть не сбив
начальника.

А потом полчаса ревела, даваясь слезами и боясь, что бу-
дет слышно за стенкой, и вспоминала подружку в Новоси-
бирском метеотехникуме.

– Катька, дура, куда ты едешь? Ты думаешь, тебе там да-
дут спокойно жить? В первую же ночь кто-нибудь вломится.
Мужики там голодные живут, дикие. Ух!

Ее всю трясло, и к утру она решила, что с первым же ка-
тером уедет, но назавтра на Курлова было жутко смотреть.
Он ходил не поднимая головы, а под левым глазом у него
матово отсвечивал бурый фингал. Катя одновременно тор-

жествующе и жалостливо глянула на обидчика и с сомнением на его кроткую с утра родственницу. Как ни крепка была надзиравшая за зятьком Алена Гордеевна, тут явно чувствовалась мужская рука.

Катя осталась и сама не могла понять, нравится ей эта жизнь или нет. Настроение ее менялось по три раза на дню под стать байкальской погоде, которую она исправно летописала по очереди с членами курловского семейства. Начальника же все это как будто не касалось. У него была своя непонятная жизнь. Он часто уезжал на лодке в море или уходил в тайгу, иногда к нему прилетали на вертолете гости, и в такие дни все сбивались с ног. Старуха готовила угощение и рыбные пироги, Курлов топил баню, а из бурановских хором раздавались возгласы, пьяные крики, и рыхлые сытые мужики с удивительно похожими лицами среди бела дня бухались в море, оmyвая в чистых водах жирные тела. Кате в эти дни Буранов велел носа из дома не высовывать и до нее лишь доносились слова пьяной благодарности:

– Все у тебя, Андреич, хорошо, только девочек нет.

– А если поискать? Может, найдется кто?

Дальше следовали скабрзные шуточки, матерные перебранки – Буранов поддакивал, пока наконец утомленные гости не падали где попало. И Курлов с Аленой Гордеевной относили их спать.

Зачем нужны были начальнику эти противные люди, Катя не понимала. Ей казалось, что он и сам не очень-то их лю-

бит, и когда они улетали, увозя с собой рыбу, тушки козлят и птиц, облегченно вздыхал и уходил на несколько дней в тайгу.

И снова долго тянулись и быстро проходили размеренные однообразные дни, раз в неделю на мыс заходили катера и уходили дальше в Нижнеангарск, в Листвянку, на Ольхон или в Давшу. Пустынное море перекаtywало гальку и уносило с берега забытые вещи, выкидывая взамен темные, словно обуглившиеся стволы, волновалось, штормило, но к середине лета выдохлось и лишь слабо ворочалось и тихо вздыхало в глубоком ложе, как ленивое животное.

В одну из таких теплых июльских ночей Катя шла по двору в легком платьице, как вдруг дорогу ей преградила высокая худая фигура, обняла и смачно со знанием дела поцеловала в губы. Катя растерялась и пропустила этот поцелуй, как соня-вратарь пропускает мяч, а потом возмущенно отпихнула фигуру и заехала наглецу по физиономии.

– Да за кого вы тут все меня держите?

– Ммм, – обиженно замычала фигура, – я же с дружескими чувствами.

– Знаю я эти чувства, – буркнула Катя и пошла к дому, но фигура бросилась за ней следом и умоляюще сказала:

– Не уходите.

– Ты кто будешь-то?

– Сударыня, – фигура выпрямилась, стукнула ногой о ногу и совсем не по-сибирски, сильно напирая на звук «а», отрекомендовалась: – Абъещщик здешних угодий Евгений Адоевской.

– Лесник, что ли?

– Если вам так угодно. А вы, стало быть, красавица Катрин, о которой говорит все побережье от Онгурен до Мужиная и которую до сих пор никто не видел?

Голос у него был хороший и теплый, и в тон леснику она ответила:

– Так меня никто и не зовет.

– Я со своей стороны, – забормотал Одоевский, – сударыня, помилуйте, я к вашим услугам хоть сейчас. Я отвезу вас в такое место, которое вы в жизни никогда не видели и больше не увидите.

– Сейчас поздно.

– Завтра, – живо сказал новый знакомый и поцеловал ей ручку. – А теперь я бегу и никому обо мне не говорите. Я тут инкогнито.

Катя проводила его удивленным взглядом и усмехнулась: «От Онгурен до Мужиная». Ей сделалось весело и легко, захотелось с кем-нибудь поговорить, но вдруг в ночи она услышала голоса.

– Что этот придурок тут делал?

– А кто его знает, пустобреха.

– Пустобреха, – передразнил Курлова Буранов. – Смотри опять понаедут, цепляться начнут.

– Ну, скажете своим друзьям – вот и весь разговор.

При свете дня Одоевский Катю разочаровал. На вид ему было лет тридцать, и выглядел он помятым и неряшливым под стать своей хлипкой, страшной лодке. При такой внешности развязный тон казался неуместным, как если бы Елена Гордеевна вздумала кокетничать с Бурановым.

– Поедемте в Хаврошку.

– Куда? – засмеялась она.

– А что тут смешного? – внезапно обиделся ее кавалер. –

Чем это вам наша Хаврошка не нравится? Уж по крайней мере пристойнее ваших мертвецов.

Хаврошкой оказалась та самая избушка, которую заприметила Катя с катера. Правда, внутри чудный домик выглядел довольно убого: нары, печь, высокий грубый стол, горшки, сковородки, керосиновая лампа на подоконнике. За столом сидел парень в белом овечьем свитере и читал.

– Сударыня, позвольте представить: мой близкий друг и коллега Александр Дедов.

Услышав фамилию, Катя хмыкнула, но в этот момент парень поднял голову, хлопнул длинными мохнатыми ресницами, и она поняла, чьи глаза привиделись ей три недели назад на берегу таежного озера. Да, это были те самые пронзительные, цвета хвои глаза, смотревшие теперь немного смущенно.

– ...умница и книгочей, идеалист, борец с браконьерами и лучший защитник Байкала.

– Не говори ерунды, – сказал парень и снова уткнулся в книгу.

– Дед, – не останавливался Одоевский, – в конце концов, это просто неприлично. Вы представить себе не можете, как он перепугался, когда узнал, что к нам пожалует дама. Оди-чал-с в тайге.

– Угу, – пробормотала Катя, – бурхан.

Через полчаса она чувствовала себя в этой избушке лучше, чем дома. Одоевский, хоть и довольно плохонько, играл

на гитаре и пел тенорком жалостливые песни о бродягах, туристах и белых офицерах. Дедов сидел набычившись, и ей жутко нравилось дразнить их обоих взглядами, кокетничать и шалить. Водился за Катенькой этот милый грех, но выходило у нее всегда так невинно, что никто на нее не обижался.

Наконец пришло время прощаться. Одоевский, уже с трудом сохраняя непринужденность, спросил:

– А тебя там не обижают, моя пери?

– Вот еще, – повела она плечиком, – я сама кого хочешь обижу. Да и есть у меня защитник.

– Вовчик, что ли? – расхохотался москвич.

– Да нет. Буранов. – И она заметила, что они оба нахмурились. – У него, кстати, и книг много, – сказала Катя, обращаясь уже к одному Дедову, – хочешь, я для тебя что-нибудь попрошу.

– Не хочу.

Обратно ее вез Одоевский. На полдороге мотор заглох и дальше шли на веслах. Катя рассеянно отвечала на вопросы бодрившегося гребца и с ужасом смотрела на море. Никогда она не казалась себе такой незащитной. Чтобы срезать расстояние между двумя мысами, они плыли довольно далеко от берега, и страшно было подумать, что под ними такая же глубина, как темная гора на берегу. А лодка, казалось, стояла на месте. Одоевский кряхтел, чертыхался, грести было неудобно, и легкий ветерок, дувший с берега, отгонял их в открытое море. После полуночи он успокоился, и через два

часа лодка ткнулась в гальку.

Наутро она проснулась влюбленной. Она сама не знала, в кого именно влюбилась, но ей нравилось все – тихое море, теплые доски на крыльце, мягкий южный ветер култук и редкие причудливые облака, зависшие над горою. Даже Курлов не казался ей в то утро таким противным. Он ходил прибитый и печальный, и не умевшая ни на кого долго сердиться Катя решила, что ему надо отпустить грехи.

Ее обидчик удил рыбу в той самой фетровой шляпе и был похож на не полностью утратившего достоинства бича.

– Здравствуйте, Владимир Игнатьевич, – налетела на него Катя со спины.

Курлов пробурчал что-то нечленораздельное.

– Да что ж вы на меня и не смотрите-то?

– А че мне на тебя смотреть?

Он дернул удочку и стал крутить катушку, но согнувшееся было удилище внезапно обмякло, и Курлов вытащил пустой крючок.

– Черт! – прошипел он недовольно.

– Так это вы нас, значит, всех рыбой кормите?

– Угу, – он наконец скосил на нее мутноватые глазки, – глупая ты до чего ж!

– Ну вот! – огорчилась она.

Не слушая ее сетований, Курлов снова приклеился к поплавку, едва видневшемуся на фоне слепящей воды. Катя так и не увидела ничего, как вдруг Вовчик подсек, откинулся на

спину и стал судорожно подматывать натянувшуюся леску. В воде показалась отливающая серебряным боком здоровая рыбина. Она шла к берегу недоуменно, но довольно покорно. Однако когда до берега оставалось меньше метра, рыбина вдруг круто развернулась, Курлов дернул на себя удилице, рыбина слетела с крючка и оказалась на камнях совсем рядом с водой. Мгновение – и она исчезнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.